

A photograph showing the silhouettes of several people from the chest up, with their hands raised in a gesture of prayer or praise. They are positioned against a very bright, glowing light source, likely the sun, which creates a strong backlighting effect. The people are in profile, looking upwards. The overall mood is spiritual and uplifting.

16+

Анна Бахматова

По ту сторону друг друга

Анна Бахматова

По ту сторону друг друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57887769

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история начиналась легко – как любая тривиальная история любовного треугольника. Песчаный берег и Он, чей взгляд лишает воли. Аэропорт и новый Он – чей взгляд дарит покой и обещает рай уже на этой планете. Влад, такой внимательный и чуткий.. И ему тоже нужно в Питер. А ещё, разумеется, – всю жизнь нужно было найти меня.

Есть одно "но". Жена Влада пропала десять лет назад, будучи беременной, и её найти не удалось никому. Как и ответить на вопрос – жива ли она?

Встреча с этими мужчинами изменила мою жизнь навсегда, а уж взгляды и скептическое отношение к вере – тем более. Так что это? Начало нового любовного романа, где каждый может быть и мучителем, и жертвой, и спасителем? Или тонкий юмор парня сверху, который намекает, что участники этой игры однажды свернули не туда?

Почему мне начинает сниться пропавшая жена Влада? Какие подсказки пытается дать? И кто виноват в исчезновении женщины? И почему мне с каждым днём всё больше кажется, что ответы не принесут покой?..

Анна Бахматова

По ту сторону друг друга

*У судьбы, безусловно, своя траектория,
Случатся дни, что небом были обещаны.
И начнется самая великая в мире история.
История мужчины, история женщины.
#ессоя*

И начнётся история.
#

Отпечатки мужских стоп на золотистом мокром песке. Один. Второй. Третий. Ровной дорожкой тянутся друг за другом, а к ним тянутся буйные воды индийского океана, разгулявшегося сегодня не на шутку. Кажется, ещё чуть-чуть и морская пена смоеет это произведение искусства. Кто бы мог подумать, что следы мужских ног могут быть настолько красивыми в лучах рассветного солнца? И кто бы мог подумать, чёрт возьми, что в последний день отпуска стихия вот так безжалостно обломает все мои планы?

Пять часов до самолёта, я так хотела посёрфить перед вылетом, чтобы словить дзен. Вода – моя стихия, небо – точно нет. Цепляющаяся в подлокотники на взлёте истеричка – это про меня. Я могу покорить любую волну, но я не могу пода-

вить собственный страх перед полётом даже спустя тысячи намотанных миль по свету. Хотя, кого я обманываю. Такие бешеные волны, как сегодня, не покорил бы и сам Посейдон.

Собираясь уходить, я замечаю парня с доской сёрфера, который очевидно разделяет мои мысли. Тоскливый взгляд на океан.. И через секунду – на меня, глаза в глаза. Вся мощь разгулявшегося шторма моментально превращается для меня в ничто. Я никогда не думала, что взгляд может лишать воли.

Может.

Чтобы как-то разорвать этот вакуум в голове, отвожу глаза. Следы на песке, я вновь рассматриваю их. Но они.. ведут к нему. Взгляд невольно пробегается по крепким мужским ногам, тонкой талии, хорошо прокачанным плечам и снова... Снова из моего мозга будто откачивают кислород. Зато кровь приливает к ногам – срабатывает инстинкт беглеца. В то время, как сердце отчаянно кричит «Беги без оглядки!», мозг просто молчит. Он в отключке. Механически разворачиваюсь на пятках и спешу покинуть пляж, поймав на себе снова этот взгляд. Взгляд, лишающий воли.

У чемодана отлетело колесо прямо на подходе к аэропорту. Чертыхаясь, я потащила его практически на себе к стойке регистрации, и уже издалека заметила знакомую фигуру. Сердце мгновенно застучало где-то в районе мозга, пяток и

ягодиц одновременно.

Чем ближе я подходила к стойке регистрации, тем ближе была к обморочному состоянию. Ощущения уже больше походили не на волнения, а на чувство тревоги, и меня это напрягло. Нас разделяло пару человек в очереди, а у меня начали потеть ладони и зубы отбивали чечётку.

Я всё сильнее удивлялась себе, и всё сильнее пугалась собственных ощущений. Почему человек вызывает во мне такую трясучку? Сдобренный адреналином мозг стал подкидывать идеи одна дурнее другой. «Он террорист, сто процентов», «беги отсюда», «да-да, беги! Сдай билет на самолёт и беги!».

– Идиотка, – буркнула я себе под нос, вытерла потную ладонь о шорты и пару раз глубоко вдохнула.

Понадобилось немало усилий, чтобы взять в себя в руки. Этому способствовал ещё тот факт, что «недотеррорист» прошёл регистрацию и исчез из поля моего зрения. Я снова позволила себе пару ласковых в свой адрес и положила чемодан на ленту.

Вообще, я конечно страдаю аэрофобией, но то, что со мной происходит сегодня, не поддаётся вообще никакому объяснению. Я ведь на полном серьёзе готова была узнать об альтернативных рейсах, забыв напрочь о том, что ограничена во времени.

Рейс менять мне нельзя. Соседка, присматривающая за моей собакой, улетает в командировку, буквально через

несколько часов после моего возвращения. И мой бедный Бим будет страдать от одиночества и отсутствия прогулки из-за своей трусихи-хозяйки. Шпиц по имени Бим в буквальном смысле страдает, если ему приходится остаться одному дольше, чем на полдня. Начинает хандрить, не ест, не пьёт и со слезами ждёт компанию. Причём, ему неважно, будь это я или малознакомый человек, самое главное, не быть одному. Вот такой вот "верный" друг. Однако его проститутская натура отнюдь не мешает мне любить его всем сердцем, уж не знаю, причина тому его искренние няшные глаза или отсутствие в моей жизни другого объекта обожания.

Так или иначе, а при воспоминании о Биме сердце сжалось и потребовало немедленно бежать в самолёт. Правда, посадку ещё не объявили, поэтому после прохождения границы пришлось прогуляться по аэропорту, зайти в пару магазинчиков, где продавались магниты и прочие сувениры. Я обещала коллегам привезти что-нибудь в презент, но, конечно же забыла.

Меня с детства тяготило как общение с людьми, так и правила обитания в социуме. Свою нелюдимость я тем не менее тщательно скрывала под профессиональным умением быть душой компании. Удавалось мне это неплохо, однако, приходя домой, я всегда требовала часа тишины, в детстве – от родителей, сейчас – от Бима. И мне её давали. даже мой маленький компанейский друг не трогал меня, пока я не выпью чашку кофе, не приму ванну и не прослушаю пару ме-

лодий Florian Christl. Верно говорят, собаки всегда чувствуют своих хозяев, их настроение и самочувствие. Думаю, сейчас мой бедный мальчик чувствует, как я по нему скучаю и тоже сходит с ума от тоски по мне. Это, конечно же не так. Скорее всего, он сейчас гуляет счастливый с Катькой, моей соседкой, но мне приятно думать, что хоть кто-то на свете по мне скучает.

Возле моего выхода на посадку я налетела на симпатичного парня, возящегося с огромной горой манго. Он безуспешно пытался определить их то вместе, то по отдельности, в ручную кладь. Извинившись, я спросила, куда он столько набрал. Оказалось, они только для мамы, хотел привезти парочку, а нахватал, как обычно бывает, от жадности.

– Теперь вот не знаю, может выкинуть? – буркнул он раздосадовано.

– Зачем же добру пропадать? Продайте мне половину, я забыла купить коллегам сувениры.

– Океееей, – протянул он с улыбкой и сдул со лба кудрявую черную прядь, – только у меня одно условие.

– Какое? – в ответ на его улыбку невозможно было не улыбнуться, настолько он был обаятельным и излучал добро.

– Я не продам их. Обменяю.

– На...?

– На твой номер телефона. – он подмигнул и улыбнулся ещё шире. А моё девичье сердце не выдержало и потекло. – Ты ведь тоже из Петербурга, судя по тому, что бродишь возле

этого выхода?

– Тоже, – я забрала у него манго и сложила их в свою сумку, – Ты студент?

Он рассмеялся, открыто и заразительно.

– Спасибо за комплимент, но институт я окончил больше десяти лет назад и не так молод, как кажусь. Виной всему эти кудряшки, они у меня от отца. Наградил так наградил, – фыркнул он и снова рассмеялся.

Я улыбалась... Настолько легко бывает далеко не с каждым человеком, особенно мне, вообще предпочитающей людей обходить стороной.

До самой посадки мы так и проболтали, проходя в самолёт, попросили места рядом. Меня радовала его компания, в которой мне предстояло провести ещё около десяти часов.

Когда мы расселись, я поймала себя на одной мысли, которая меня очень рассмешила.

– Что такое? – спросил он, глядя мне в глаза и улыбаясь.

– Как тебя зовут?

– Точно, какая мелочь, – он рассмеялся тоже и взял мою руку в свою, – Я Влад.

– Марина, – я пожалала его тёплую ладонь, в который раз за день ощутив себя... той, кем я и должна быть. Ощущения, когда не нужно ни флиртовать, ничего доказывать, ни казаться лучше, чем ты есть – возникают так редко. Особенно в компании противоположного пола. Но рядом с Владом я ощущала себя именно так. В своей тарелке.

– Уважаемые пассажиры, вас приветствует командир экипажа, Алексей Власов... , – и дальше зашипело в динамике несмолкаемое и всегда непонятное абсолютно никому бормотание пилота.

Самолёт стал разгоняться на взлет, а я по инерции вцепилась в подлокотник кресла, да так, что костяшки побелели. Это уже ритуал, аэрофобы меня поймут. Я почувствовала на своей руке его ладонь и открыла глаза. Он спокойным ровным взглядом словно говорил: "Не переживай, всё будет хорошо, я рядом". Легче не стало, но он сумел переключить моё внимание на свои бездонные, темно-серые, как океан, глаза. Я осознала эту заезженную пафосную фразу "и в этих глазах я утонула". Меня откровенно накрыло волной эмоций, которые я затрудняюсь описать, потому что не испытывала их ранее. По крайней мере, не испытывала с людьми. Нечто похожее я ощущаю, общаясь с ночным океаном. Сидя ночью на берегу ты ощущаешь его энергию. Необузданная всепоглощающая стихия. Страсть с равномерным дыханием. Он засасывает, гипнотизирует, и ты тонешь в нём, только не в буквальном смысле. Я тонула сейчас в глазах Влада и на несколько секунд забыла где я, кто я. Выпала из реальности. Меня засосало в этот омут, а вместе со мной и все мои мысли. Это чувство внутренней гармонии. Когда неважно, что вокруг, главное внутри – покой. Мне с ним рядом спокойно. Он это понимал. Он чувствовал это. Звериное чутье, которое никогда не подводит людей с его интуицией.

– Всё хорошо? – одними губами спросил он.

– Теперь да, – прошептала я и выдохнула.

Всё было действительно хорошо, страх прошёл, турбулентности не было, мы болтали и смеялись, показывали друг другу фотки. Выяснилось, что мы живём в одном квартале, ходим в один и тот же магазин за продуктами, посещаем один и тот же спортзал и банк.

– Стоило съездить на другой конец света, чтобы наконец-то познакомиться с такой девушкой, живущей всего в паре шагов от моего дома, – улыбнулся Влад.

– Я рада, что забыла купить коллегам сувениры. Если бы не эти манго...

– Я бы всё равно к тебе подошёл, – Влад перестал улыбаться и со всей серьёзностью посмотрел мне в глаза. – Я ни за что бы тебя не упустил.

– Что ж...

Табло "пристегнуть ремни" погасло и я с радостью высвободилась, улыбнулась своему спутнику и поднялась с кресла. Слишком быстро, я впадаю в панику, когда события развиваются слишком быстро.

– Я оставлю тебя на минутку, – я неловко улыбнулась и поспешила ретироваться.

– Только не дольше, – крикнул он мне вслед.

Навстречу мне, так же по направлению в туалет, двигалась дама лет шестидесяти, и я жестом пригласила её пройти первой, сама зашла за шторку и стала ждать своей очереди. Я

разглядывала свои ногти, прикидывая, хватит ли мне времени забежать в салон и освежить маникюр, когда почувствовала пробегающий по спине холодок и обернулась.

Совсем рядом, почти вплотную ко мне, стоял тот самый парень-сёрфер, который так меня напугал. Признаться, мне и сейчас стало до ужаса дискомфортно, а эта его близость и вовсе действовала на меня нездорово. Голова закружилась, в глазах потемнело, и я совершенно не могла понять причину происходящего. Со мной сегодня определенно что-то не то. И с Владом я сегодня как-то бурно реагирую, почти призналась себе, что влюбилась с первого взгляда, и ЭТОТ теперь вызывает во мне дикий ужас, чем вызванный – непонятно. Глаза добрые и умные, и до того красивые ... Шрам над губой, который его отнюдь не портит, а лишь придаёт надменности выражению лица. Это немного диссонирует со взглядом, но в целом картина получилась достойная. Природа и его родители явно хорошо поработали. Так почему я готова хлопнуться в обморок?

Молчание затягивалось, воздух накалялся, у меня возникло ощущение, что Он уже что-то понял про меня. Что – то, до чего я ещё сама не дошла. И его это радует, даже забавляет.

Он молча разглядывал меня с лёгкой улыбкой, которая из-за шрама казалась насмешливой. Меня же всё сильнее и сильнее потряхивало. Дамочка, как назло задерживалась в туалете, второй тоже был занят. Люди решили переодеться сразу, и плевать им всем, что я здесь стою и не знаю, куда

себя деть. Когда меня уже посетила мысль вернуться на своё место, Он подошел еще ближе и буквально впечатал меня в стену. Мне показалось, я вскрикнула, по факту же – издала непонятный хрип, больше похожий на стон. Он смотрел мне в глаза, как пять минут назад смотрел Влад, и на этот раз я не просто утонула – я на секунду умерла. Захлебнулась в волнах, которые накрывали меня одна за другой, не давая возможности даже просто сделать вдох, не то, чтобы встать. Однако, я быстро очнулась и чрезмерно разозлилась на себя за сегодняшнюю слабость. Девочка, ты вообще в себе? Ты управляешь двадцатью торговыми объектами по всей России, регулярно ездешь в командировки по приглашению, чтобы провести мастер-класс для менее опытных коллег, ты привыкла разруливать ситуации на раз-два... А здесь не можешь понять, что с тобой происходит? Чёрта-с два. Признайся самой себе – ты просто хочешь этого самца. Этого, и того, который сейчас сидит и ждет тебя, а ты сама не понимаешь, чего и от кого конкретно тебе все таки нужно?

За долю секунды в моей голове пронеслись эти мысли, за долю секунды я успела отругать себя на чем свет стоит, и на долю секунды Он успел опередить меня. Его губы уже коснулись моих, а моя рука только успела замахнуться, чтобы отвесить ему пощечину. В итоге, по лицу прилетело нам обоим, но я была этому только рада: меня тоже не мешало бы привести в чувство.

Я уже говорила, что впадаю в панику, когда кто-то фор-

сирует события?

Дверь в туалет открылась, дамочка выплыла оттуда уже в теплой одежде и лукаво посмотрела на нас. Выглядели мы, как застуканные школьники. Вернее, так выглядела я. Красавчику явно было плевать, он с ухмылкой потирал щеку и выжидающе смотрел на меня. Я же, краснея и тяжело дыша, пулей влетела в туалет и закрыла за собой дверь.

– Успокойся, – рыкнула я своему отражению и попыталась отдышаться.

Что я делаю? Как меня вообще угораздило? Двое парней, которых я даже не знаю, и оба вызывают во мне дрожь. Не успела познакомиться с одним, уже зажимаюсь по углам с другим. Профессорская дочка, красный диплом. Bravo! Отец бы гордился...

– Успокойся! – зло повторила я в зеркало и умылась холодной водой.

Когда я вышла, объект моих волнений стоял у дверей и явно никуда уходить не торопился. Он протянул ко мне руку, но я злобно зашипела:

– Только тронь меня!, – и поспешила проследовать на свое место.

Влад тщетно пытался распутать наушники, выглядел при этом забавно и умилительно: прикусил язык и хмурился. Я не смогла сдержать улыбки.

– Милая, если у тебя проблемы со стулом, я должен знать об этом сразу! – пропел он, а я не выдержала и рассмеялась.

Довольно истерически и сразу же себя одернула.

– Извини, – сказала я, – туалет превратился в раздевалку, пришлось нарушить своё обещание вернуться через минуту.

– Может присядешь? – он кивнул на кресло и многозначительно посмотрел за мою спину. Там мялся мужчина с обгоревшим лицом, и я поторопилась занять свое место и освободить проход. – Ты выглядишь странно.

Влад присматривался ко мне и не мог уловить причины изменений. Я не спешила продолжать разговор. На самом деле, мне нужно было время, чтобы прийти в себя после столкновения с тем типом, и я полезла в карман кресла за наушниками.

– Не знаешь, у них есть какиенибудь фильмы на русском?

– Марина, я что-то не так сделал? Если это из-за того, что я взял тебя за руку при взлете – прости. Мне показалось, тебя необходимо приободрить, ты так нервничала..

– Всё хорошо, Влад! Дело не в твоих руках, напротив, я благодарна тебе за то, что ты помог мне успокоиться. Просто, мне нужно немного времени. Прошу. Я посмотрю фильм, мозги встанут на место...

– Я уже успел насесть на твой мозг? – он улыбался, но недоуменно.

– Нет, что ты! Вовсе нет. Просто... дай мне пару часов, прошу тебя. Я посмотрю фильм, поужинаю, выпью чегонибудь, расслаблюсь. И мы сможем продолжить наш приятный разговор.

– Хорошо... – Влад дурашливо поднял руки вверх и тоже принялся искать фильм.

Я делала вид, что ищу функцию перехода на русский язык, по факту же тупо жала на кнопки дисплея и думала о работе. Работе и Биме. Я хочу скорее оказаться дома, выгулять свою собаку, съесть с ней вечером банку маслин, а утром отправиться на работу. И больше не вспоминать... Этих двоих. Моя жизнь была тихая и размеренная, из серии "работа-дом", иногда я выбиралась в театр или на прогулку, но! Я привыкла делать это одна. Я настолько привыкла ВСЁ ДЕЛАТЬ ОДНА, что сегодня присутствие даже одного мужчины выбило меня из колеи.

Я потерялась и совершенно не знала, что с этим делать? Особенно раздражал тот факт, что за считанные часы в моей жизни уже двое мужчин, которые так или иначе вызывают эмоции – те или иные. А я не привыкла к этому. Не привыкла зависеть ни от чьего присутствия, мне непривычна эта дрожь от чужих прикосновений, но больше всего мне не привычно то, что я не могу контролировать свои мысли, когда рядом один из этих парней. Я непроизвольно думаю о том, что мешает и отвлекает.

В мои планы входило поработать за ноутбуком, подготовить статистику за неделю работы моей сети, пока меня не было, чтобы послезавтра утром, выйдя на работу быть в курсе всех дел, владеть ситуацией... Вместо этого я сижу и бессмысленно тыкаю в экран, пытаюсь сосредоточиться на сво-

их ощущениях и попытаться хоть как-то их контролировать. Хоть как-то избавиться от той дрожи, которая так и одолевает меня с момента поцелуя с мужчиной, имени которого я даже не знаю. Не поцелуя даже, так... Недоразумения. Недоразумения, которое превратило в недоразумение меня.

Влад не трогал меня, и я была ему за это благодарна. Бортпроводники прошлись по салону, разнесли ужин, а я всё так и сидела, пялясь в экран. Он легонько дотронулся до моего плеча и указал взглядом на мой столик, мол, ешь, остынет. Есть особо не хотелось, но выглядеть мумией хотелось ещё меньше, поэтому я сняла наушники и заставила себя с бодрым видом поковыряться вилкой в своей еде.

– Алкоголь и напитки ещё не разносили, – улыбнулся Влад, напоминая мне, что я хотела поужинать и выпить, – так что я пока тебя не трогаю. Заметь, пока!

Он улыбался мягко, давая понять, что навязываться не станет. Я это итак понимала, он лёгкий человек и "лезть в глаза" – это не его методы. Это его качество несомненно вызывало во мне симпатию, как и его безмерное обаяние. Я понемногу отходила, а выпив вина успокоилась окончательно. Все дело в том придурке, что так нагло зажал меня у туалета. Он просто вывел меня из равновесия, ошарашил меня своим поступком, заставил потерять контроль над ситуацией, а к этому я не привыкла. Нужно держаться от него подальше. Он не просто так не понравился мне ещё в аэропорту, интуиция меня никогда не подводила, я чувствую людей.

До того момента, как он выбил почву у меня из под ног, все шло ровно и спокойно: я была расслаблена и умиротворена рядом с Владом, наше знакомство оказалось для меня крайне приятным, его присутствие – не напряжным, а его шутки смешными и совсем не пошлыми. Вот пусть всё так и остаётся: комфортно и непринужденно, а этот самоуверенный кретин пусть катится подальше.

Я допила своё вино, отдала поднос стюардессе и повернула лицо к Владу.

– Расскажи мне чтонибудь занимательное из твоей биографии.

– Занимательное, – он усмехнулся, но усмехнулся с тоской, – в моей биографии есть одна история, но скорее очень печальная. Зато яркая и уж точно запоминающаяся.

– Если ты не хочешь вспоминать....

– Нет, тебе стоит знать. Я всё равно должен буду рассказать тебе это, рано или поздно. Так вот, пусть наши отношения, какими бы они ни стали, начинаются с полного откровения.

– Мне это нравится, – я села ровно и приготовилась слушать его пусть даже не самую приятную историю.

– Я был женат, – начал он и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Это твоя не очень приятная история?– я мягко улыбнулась, давая понять, что меня это не смутит и не удивит.

Влад только на первый взгляд кажется молодым парнем,

по факту ему лет тридцать, может, тридцать пять. Морщинки выдают его, когда он улыбается или хмурится. Да и взгляд... С каждым прожитым годом у человека он меняется. И у Влада взгляд точно не двадцатипятилетнего парнишки.

– Это приятное начало моей печальной истории...

– Так.. – я уже предчувствовала, что в жизни этого человека случилась трагедия, и не была уверена, что имею право лезть ему в душу, – Влад, правда, ты не обязан...

– Я хочу, – твердо возразил он и продолжил, – мы познакомились, когда нам было по семнадцать. Молодые, глупые, поступили на первый курс журфака. Считали себя дерзкими и в то же время романтичными, – Он улыбался, и морщинки вокруг глаз собирались в причудливые паутинки.

Он и правда был счастлив тогда, и был счастлив даже сейчас, рассказывая мне об этом...

– Она была очень красивая. Очень красивая и до безумия меня любила. А я любил её. Мы встречались долгих шесть лет, пока не окончили универ. Потом расписались, тихо, чтобы никто не знал. И уехали на медовый месяц в Париж, так же тихо. Я два года копил на эту поездку. Мы были так счастливы... Бродили по этим сказочным, пропитанным счастьем миллионов влюбленных, мостовым, находили кафе с самыми вкусными круассанами, занимались любовью везде: на крыше нашего отеля, в тихих переулках... я хотел запомнить каждый ритм пульса: когда она спит, когда злится,

когда кончает... Я хотел остановить время и остаться с ней в этом мгновении навсегда... Я был уверен, что счастливее, чем сейчас, я не смогу быть. Через две недели, там же, в Париже, когда мы завтракали на нашей маленькой лоджии, она сообщила мне, что у нас будет ребёнок. И вот тогда я понял – вот! мой счастливый момент настал именно сейчас! Не тогда, когда мы были вдвоём! А именно сейчас! Когда нас уже трое. Когда в ней теплится жизнь, которую я сотворил. Наша новая жизнь. Наша новая жизнь....

Он замолчал, и я поняла – он сейчас не здесь. Он там, в Париже, вспоминает её глаза, полные слез счастья. Я не хотела, да и не могла его трогать, вырывать его из этих воспоминаний. Человек имеет полное право иногда уйти в себя, зарыться в самом укромном уголке своего сознания, где хранятся лучшие моменты его жизни, и погреть там руки среди серых будней.

– Мы ждали девочку, – еле слышно произнёс он через несколько минут. С его ресниц упала слеза, он тут же резко вздохнул, передёрнул плечами и взял себя в руки, – Каждое утро я просыпался, любовался спящей женой, её растущим животом и думал только об одном, "скоро я смогу взять на руки свою принцессу" ...

– Она умерла? Твоя жена. – я видела, как ему больно. Мучительно больно. И он не может собраться с духом произнести это.

– Я не знаю...

– То есть?

– Она пропала. Моя Женька пропала без вести, когда была на восьмом месяце, – он снова тяжело вздохнул, но слёз в его глазах не было. Очевидно, их просто уже не осталось. Прошло девять, почти десять лет, мужчины обычно не страдают так долго.

– Погоди.., – в моей голове роем пронесли мысли, воспоминания, заголовки газет, интернет-статьи, – Евгения Фарт... Я помню эту историю, все СМИ трубили. Я запомнила фамилию даже, ещё шутили тогда, что не особо она ФАРТовая. Извини...

– Ничего. Я много раз это слышал. Я тоже не особо фартовый. Потерял жену, ребенка, который ещё даже не родился, а потом ещё год таскался по следователям, так как муж всегда – первый подозреваемый. Мне не дали ни поискать её толком, ни оплакать. Я до сих пор не знаю, что с моими девочками? живы ли они? если нет – то за что им это? если живы... то за что это мне? Почему меня бросили?

– Влад... – я взяла его за руку, – она бы так с тобой не поступила. Я не видела вашу историю хотя бы "со стороны", но даже слушая тебя, я понимаю, вы любили друг друга до одури, два неразлучника. Она бы тебя не предала... Её ищут?

– Давно уже нет. Дело закрыто, за давностью. Хотя, скорее, за ненадобностью. И скорее всего, его неформально закрыли года через два после её исчезновения. Следов ника-

ких, улик тоже. Родственников нет, родители погибли, когда ей было шестнадцать. Пойти ей было не к кому, некуда. Подруг особо не было, когда умерли родители, она переехала в Санкт-Петербург, поступила в универ, сразу появился я... И заменил ей всех: родителей, подруг.. Я видел, что её саму не интересуют другие люди, она вся была в нашем союзе. За все шесть лет, не поверишь, не было ни единого разрыва. Все только благодаря ей. Она всегда обходила все острые углы, находила компромиссы, знала, когда быть ласковой, когда – непреклонной. Я был единственным, кто был ей нужен... И не смог уберечь её. Извини.

Он поднялся с места, протиснулся к выходу и ушел бродить по салону.

Что ж... он дал мне время прийти в себя, теперь время нужно ему. Ему явно оно нужнее. Мои переживания – просто бред по сравнению с его. Да, прошло много лет, но потеря близких для всех всегда – индивидуальный масштаб бедствия. Кто-то через пару лет возвращается к привычной жизни, кто-то просто сходит с ума... Здесь нет никаких сроков, никаких гарантий. Это не производство обуви, это – человеческие судьбы, семьи.

Много неясного было в этой истории. Девушка пропала не на улице, не в общественном месте. Она исчезла из дома. Об этом действительно трубили все газеты десять лет назад, я запомнила этот случай, потому что он был весьма необычным. Муж возвращается домой с работы, и не застаёт там

жену. Её нет, а все вещи на своих местах. Даже обувь, вся на месте.. А пропала она в декабре. Тоже помню этот нюанс, потому что новость ошарашила петербуржцев на следующий день после моего дня рождения. Куда могла пойти женщина на восьмом месяце беременности босиком зимой? Без пальто, без документов, без денег... Без очков! Я точно помню, писали, что у нее было очень плохое зрение, и без очков она очень плохо ориентировалась в пространстве.

Человек просто исчез. Растворился в воздухе. Естественно, первым подозреваемым оказался муж. Его задержали, но вскоре за отсутствием улик и мотива, отпустили под подписку о невыезде. Однако, потом целый год после этого все СМИ так и поливали его грязью, не давали прохода. Я помню, как газетчики следили за ним и любое его действие пытались выставить в черном свете, вырвать из контекста любое его неверно подобранное слово...

Говоря "год таскался по следователям", Влад сильно приукрасил весь тот ад, через который ему пришлось пройти. Может быть, не хочет просто говорить о плохом, а может, боится, что я посчитаю: дыма без огня не бывает. Уверена, уже множество людей думали о нём так же и обрывали знакомство, не дав человеку возможность показать своё истинное лицо. Наверняка, эта история повлекла за собой и проблемы с работой, и с обитанием в социуме. Сказать, что мне было жаль его – ничего не сказать. Мужчина верил в своё скорое счастье: любимая жена, новорожденная дочь. Увере-

на, он даже уже представлял, какого цвета будут у нее глаза. А в один прекрасный день это счастье просто исчезло. И самое страшное не то, что его заплевала общественность. Самое страшное то, что этот человек не понимал, куда ушло это счастье?! Или кто его забрал?

Когда твой любимый человек умирает от рака, или погибает в автокатастрофе – это больно, невыносимо больно... Но, простившись с близким, ты прощаешься и со всеми надеждами – человека больше нет, он умер. Он больше никогда не разбудит тебя среди ночи, чтобы обнять. Больше никогда не поцелует твои мокрые ресницы, когда ты плачешь... Его больше не будет. Никогда. Ты не сразу примиряешься с этим, но хотя бы осознаёшь. А Влад... у него не было возможности проститься со своей любовью. Не было возможности похоронить и отпустить её. У него даже не было возможности узнать, когда и при каких обстоятельствах она пропала. Куда и с кем. Человек исчез, и отчаявшийся муж мог только лезть на стены и выть волком от безысходности и неизвестности.

– Я к тебе вернулся, – его голос выдернул меня из раздумий, – можно?

Он улыбался мне, стоя в проходе, и в тот момент я отчётливо поняла, что проститься с ним в аэропорту не смогу.

– Конечно, проходи. – я встала и пропустила его. Он, пробираясь к своему месту, коснулся моей руки, вроде бы вскользь, но на самом деле он сделал то, чего очень хотелось нам обоим – прикоснуться.

Моё желание остаться с ним не было связано с чувством жалости, напротив, я увидела в нём такую силу, какую не увидишь во многих накачанных бруталах, на деле оказывающихся чаще всего маменькиными сынками. Влад скрывал свой сильнейший дух за худощавым, поджарым телосложением и этими забавными кудряшками. Он был так похож на энергичного подростка, что никому бы точно не пришло в голову связать его и жизненные трудности.

– Хочешь поговорить об этом? – я положила свою ладонь поверх его и постаралась спросить это как можно мягче, чтобы не спугнуть его.

– Знаешь, – он грустно усмехнулся, – за все эти десять лет я не обратился ни к одному мозгоправу, да и, если честно, вообще ни с кем не обсуждал своих чувств. Думаешь, сейчас стоит?

– Думаю, ты имеешь право выговориться, если тебе это требуется. Повествователь из меня посредственный, а вот слушать я умею.

– Так странно, – он улыбался, глядя куда-то поверх моего плеча, – разговоры о душевных терзаниях в самолете. Хотя, я слышал, что откровения в купе поезда снимают груз с плеч помощнее, чем дорогостоящие сеансы психологов...

– ... Ну а здесь, в небе, просто сам Бог велел, – хмыкнула я.

– Не боишься, что меня прорвет, и тебе придется слушать меня оставшиеся восемь часов?

– Если потребуется, я готова слушать и дольше, – я подняла глаза, и наши взгляды встретились. Он хотел говорить, я это видела. Он хотел не то, что говорить – выть! Раненым зверем. Но для этого дела самолет уж точно не подошел бы.

– Ты сама напросилась, – пошутил он, и это было последним намеком на юмор в его голосе, – Женька работала в местной газете, вела женскую колонку. Правила ухода за кожей, последние тенденции моды, новости известных поп-див. Она часто называла свою работу скучной, но я видел, как она её любила. Даже когда ей было положено уходить в декрет, она договорилась со старшим редактором поработать еще месяц, а то и другой. Мы шутили, что в роддом её увезут скорее оттуда, чем из дома. Она была такая красивая в эти последние месяцы.. С припухшими губками и носиком. Её глаза светились от счастья, а голос стал таким мягким... Она постоянно говорила "Поцелуй свою кабаниху", но это было чушью. Она была самой красивой женщиной на свете. Я с уверенностью могу отнести себя к той категории чудачков, которые скандируют: «Беременность красит женщину». Мою – уж точно..

Каждое утро она готовила свои фирменные панкейки, а каждый вечер я возвращался в дом, наполненный ароматами вкусного ужина, чистого постельного белья и её духов... Это какое-то киношное счастье, я правда никогда не верил, что в жизни так бывает. Все устают на работе. В наше время большинство семей не брезгует пару раз в неделю полу-

фабрикатами, но Женя... Она была идеалом женщины, сошедшей с обложки американских журналов семидесятых годов, идеализирующих семейные ценности. Она была настоящим хранителем нашего очага. Даже, не побоюсь этого слова, Ангелом-хранителем. Моим талисманом. Мне стало по-настоящему фартить с того самого дня, как мы поженились. Мы обожали тихие семейные вечера у телевизора. Только мы вдвоем. Я и Она.

Я сходил с ума от счастья, когда ночью, обняв её, чувствовал шевеление нашей малышки. Они обе отзывались на мои прикосновения: Женька моментально, даже не просыпаясь, разворачивалась ко мне и зарывалась носом в шею, а малышка начинала ворочаться и шевелиться. Но не пиналась, наверно, чтобы не разбудить маму....

Прости, кажется, я углубился в воспоминания о нашем счастье. Сейчас не об этом.

В общем, беременность у нее протекала без всяких осложнений, гормоны тоже не особо беспокоили. Женька почти не капризничала, не доставала запросами "арбуз в три часа ночи, в декабре". Поэтому мы жили мирно и без душевного трепета просто готовились стать родителями. Восьмого декабря она позвонила мне на мобильный и сбросила. Всё.. Я перезвонил, она не ответила, у меня тогда был очень загруженный день на работе. Видимо, мой начальник считал, что раз уж беременная жена не выедает мне мозг чайной ложечкой, это непременно должен сделать он. Я мотался меж-

ду расследованием хищения государственных средств и банальной статьей о новом директоре музея, и подумал, что перезванивать сто раз не стоит. Наверно, Женя нечаянно нажала вызов, и уже спокойно занимается своими делами.

После обеда я снова набрал ее номер, но она не ответила. Я тогда тоже не придавал значения, был уверен, что она сейчас занимается какойнибудь статьей. Да и ближе к вечеру, когда она в очередной раз пропустила мой звонок, я даже не забеспокоился, потому что у нас действительно бывают такие загруженные дни, что даже в туалет некогда отойти, не то, что созвониться.

Вот когда у меня действительно пробежал холодок по спине, так это у подъезда. Ее машина стояла на месте. На том же самом месте, где она оставила ее вечером, даже колесо было вывернуто так же, как вчера. Женя с самого первого дня беременности отказалась от метро и даже в самые пиковые дни пробок не спускалась туда, потому что переживала за ребенка. Поднимаясь бегом по лестнице, я отгонял мысли о том, что раз уж моя жена осталась дома, она должна была как минимум услышать мои звонки. И как минимум перезвонить. Параллельно с этими мыслями я себя успокаивал, что в период беременности женщины жутко сонливы, моя Женька могла просто вырубиться, да так и лежать мишкой в спячке. Но чем ближе я был к дверям нашей квартиры, тем беспокойнее мне становилось.

Не увидев ее дома, я отчаянно запаниковал. Признаюсь,

на минуту меня даже охватил ужас, я был в ступоре и не мог пошевелиться, решить, что делать. Или хотя бы просто поразмыслить, куда могла деться моя жена на таком сроке беременности.

Я позвонил ей на работу, где только подтвердили мои сомнения: она там сегодня не появлялась и на звонки не отвечает. После этого я сразу же набрал ее номер... Телефон лежал дома, на тумбочке у кровати. Сорок пропущенных... Я, Лара Игнатьева – ее начальница, Ира Савельева – ее коллега, и какой-то незнакомый номер. Двадцать восемь пропущенных. Когда я дозвонился, меня словно током ударили. Мужчина представился психологом. Психологом! Ватафак? Моя жена ходила к психологу? Этот хмырь не пожелал отвечать на мои вопросы, о чем они разговаривали, сославшись на врачебную этику и положил трубку. Марина, уже тогда я был в прострации, для меня открывался новый мир, в котором, как оказывается, жила моя супруга, и в который меня даже не приглашала. В этом мире было место тайнам от меня, ее мужа. словно в бреду я прошелся по квартире и отметил, что все ее вещи на месте: одежда, пальто, сапоги, телефон, даже очки. У нее, на секундочку, минус шесть, она не видит без очков абсолютно ничего. Не видела...

Я снова позвонил этому психологу, чтобы все таки добиться от него ответа: почему он так настойчиво и много сегодня звонил? Был повод? У нее был настолько тяжелый случай, что психолог, не увидев ее на сеансе, двадцать восемь

раз пытался ей дозвониться? Но он не отвечал. Черт знает что тогда происходило в моей голове. Я попытался успокоить себя, наверняка он сейчас с пациентом и ему не до телефона. Нужно было сосредоточиться на поисках жены...

В полиции тогда не особо охотно разговаривали с людьми, желавшими написать заявление о пропаже человека, если прошло менее трех суток. Их даже не подстегнул тот факт, что "пропажа" была на восьмом месяце и это крайне беспокоило её мужа. Я обзвонил все больницы, роддома и пренатальные центры. Мало ли... Приспичило раньше срока. Это было бы, кстати, единственным разумным объяснением, куда она так неожиданно и буквально в одной пижаме, исчезла. И до сих пор ей некогда мне позвонить, чтобы я не сходил с ума. Но моей жены нигде не было. Абсолютно. Я обзвонил даже морги.

Через три дня тогдашняя МИЛИЦИЯ все таки зашевелилась, развернули поиски. Начали с психолога, так как их тоже заинтересовал тот факт, что женщина, у которой в доме "по словам супруга" (да-да, они тогда особенно выделили то, что пока все только по моим словам) была полная идиллия, посещала психолога. И вот тут началось самое интересное, веселое и новое для меня. Тот урод оказался совершенно не психологом, а просто знакомым Женьки. Знакомство это длилось около полугода и, по его словам, было близким. Я рвал и метал, готов был убить этого ублюдка. Только не за тот факт, что он спал с моей женой, а за тот, что врал! Мои

доводы и мысли могут показаться банальным самоубеждением мужа, который отказывается верить в то, что ему наставили рога, но... Я знал Женю, как свои пять пальцев. Она была преданным человеком. Она потому и друзьями не обзаводилась, что жила под девизом "или всё, или ничего!". Ей не нужна была дружба, которая не до гроба. И не нужна была любовь, которая не моногамна. Если бы она заинтересовалась кем-то другим, она бы разлюбила меня. Вернее, нет, не так! Она бы заинтересовалась кем-то другим, если бы разлюбила меня! Но предварительно она собрала бы чемоданы, и всё мне честно сказав, ушла. Она не умела быть "наполовину". Она жила своей любовью и презирала предательство. И тем более не совершила бы это, будучи беременной, нося под сердцем ребенка.

Я пришел в себя, когда лежал на полу в наручниках. Меня бросили в камеру, и только ближе к вечеру выяснилось, что узнав подробности, я бросился на эту тварь с кулаками, начал крушить мебель в кабинете следователя и орал, что убью его. Само собой разумеется, я автоматически записал себя в первые подозреваемые. Неуравновешенный рогоносец. Скорее всего пришил женушку, закопал в лесочке, и теперь строит из себя убитого горем мужа. Или еще, как вариант, сам не помнит, как убил в приступе ярости, и куда дел труп. Вот теперь на стены и лезет. Честно говоря, я и сам тогда об этом подумал – ведь я совершенно не помнил момента нападения на этого ублюдка.

Для меня начался ад. Мой разум всячески рвался из этой клетки, мне нужно было куда-то бежать, что-то делать. Пусть мои действия ни на йоту не приблизили бы следствие к разгадке, но я не мог просто сидеть и изводить себя мыслями: где же моя жена, что с ней могло случиться? Вдруг какойнибудь маньяк сейчас издевается над ней? Или ее убили. Или она в роддоме уже кормит нашу малышку и просто не может до меня дозвониться... А я просто сижу здесь! Сижу! И ни хера не делаю!

Через неделю не изменилось ничего. Её не нашли, я продолжал сидеть в СИЗО потому что мне все таки выдвинули обвинения. Я видел ее последним, мотив у меня был (в виде любовника), возможность тоже. Адвокат не особо чесался и я ещё месяц провел в этом аду, пока мои коллеги не скинулись и не прислали мне нормального защитника. Он быстро меня вытащил, и я сменил ад в клетке на ад в мире без неё.

Абсолютно никакие поиски не давали абсолютно ничего. Я бился как рыба головой об лёд. Ноль. Безрезультатно. Она просто исчезла. Ни следов, ни контактов. Мудила, который представился ее любовником, куда-то пропал, номер недоступен, дома его нет. Где ещё его искать я не представлял, а ведь он по сути был единственной ниточкой.

Тошнило от одной мысли, что Женька могла сбежать с ним. Ведь выходило, что весь наш мир, вся наша жизнь, в которой я был абсолютно уверен, оказалась не более, чем замком из песка. А мой разум отказывался с этим мириться.

Через месяц тоже ничего не изменилось... Я доставал следователя ежедневными звонками, но всегда получал один и тот же ответ:

– Мы занимаемся Вашим делом, Владислав Игоревич, наберитесь терпения. Я понимаю, как Вам тяжело...

И бла... бла... бла...

Прошёл год. Всё оставалось без изменений. Следствие застопорилось, следователь сменился. Потом сменился ещё один. Потом ещё один год сменил другой.

Бурая листва за окном сменялась снегом, а я медленно, день за днём, умирал. Я опустил руки. Я больше не хотел её искать. Я её похоронил. Через год её "похоронил" и суд. Её признали умершей по истечении пяти лет, и я умер окончательно. Уволился с работы, просто лежал и пиялился в потолок целыми сутками. В запой уходить не было моральных сил, физических тоже. Моё тело совершенно меня не слушалось и отказывалось порой подняться даже в туалет. Я ненавидел себя. Я себя презирал.

Я потерял любовь всей своей жизни, я дал еще не рожденному ребенку умереть. Я действительно уже не сомневался в том, что Женьки и малышки нет в живых. Я это чувствовал. И еще чувствовал, что всё это моя вина. Что я за мужчина? Муж? Отец? Который не уберег своих девочек...

Дамы и господа, наш самолет заходит на посадку. Просим вас занять свои места и пристегнуть ремни безопасности.

В Санкт-Петербурге сегодня солнечно и удивительно тепло для конца марта! Семь градусов выше нуля. Спасибо, что воспользовались услугами наших авиалиний.

Красивые, длинные смуглые пальцы с ярким маникюром неподвижно лежали поверх мужской ладони. На их кончики капали слёзы. Вернее было бы сказать "лились", и лились они с моего лица. На мои пальцы. Я пришла в себя и поняла, что держу за руку Влада, мы в самолете, только что приземлились в Петербурге и только что мужчина, сидящий рядом, вывернул мою душу наизнанку и хорошенько её выбил. Вытрусил всю лишнюю пыль, оседающую годами: безразличие к чужой боли, пафос, показуху. Всё это, присущее бОльшей части нашего общества и мне в частности, было сейчас мне настолько противно.. Хотелось отмыться, забыться и больше никогда не возвращаться к своим старым мировоззрениям.

Чего стоят квадратные метры на Невском или Вилла в Испании, когда пропадает бесследно часть твоей жизни? Какое место можно подтереть выпиской из банковского счета, когда год за годом ни за какие деньги никто не может тебе сказать, где твой ребенок? За каким хером тебе Iphone последней модели, если на его экране больше никогда не высветится входящий вызов от единственного важного контакта? Ответ верный. Всё – пыль.

Для Влада пылью уже стали и воспоминания о Жене.

– Я не помню её голос, – он смотрел мне в глаза и забивал последний гвоздь на крышке моего гроба. Это становилось

невыносимым.

– Слушай сейчас мой, – я поднялась и потянула его за руку, заставляя встать тоже. – Сейчас ты поможешь мне вытащить ручную кладь, затем мы заберем багаж и едем ко мне домой. Там мы вместе напьемся и поедем гулять, неважно куда, мы просто проведем самую веселую ночь за последние несколько лет что в твоей, что в моей жизни. Как тебе такое предложение?

– Я обеими руками "за"! – он лучисто улыбнулся и вмиг преобразился. Превратился снова в того самого мальчонку, которого я встретила несколько часов назад в зоне вылета.

Бим встретил радостными воплями и страстными поцелуями. Меня. Моего гостя он наградил подозрительным взглядом, как мне показалось, в котором читался даже намёк на ревность. Правда, его настороженности хватило на сотую долю секунды. Стоило Владу взять его на руки, как Бим принялся яростно и не без удовольствия лизать его щёки.

– Тише, парень, я – гетеросексуал, – новый друг отпустил Бима и эта продажная пушистая тушка помчалась в кухню, то и дело оборачиваясь, явно зазывая за собой. Естественно, чтобы покормили.

– Что же, моей собаке ты понравился, будем считать, что пить с тобой можно.

Я бросила рюкзак на банкетку, чемодан определила рядом, переобулась в тапочки, дала мужскую пару Владу, и

пригласила в кухню. По тому, с какой подозрительностью он рассматривал свои ноги в чужих тапках, я поняла, какой вопрос вертится у него на языке.

– Нет, мужчины у меня гостят не часто. Но тапочки для гостей в доме должны быть обязательно, и мужские, и женские. Это с самого детства мне прививала еще мама. У меня в шкафу еще пара-тройка пар, так что не изумляйся так.

– Вы с родителями часто принимали гостей?

– Мои мама и папа были очень компанейскими людьми, – я жестом пригласила Влада в кухню и по пути продолжила рассказ, – в нашем доме постоянно собиралась тусовка профессоров. Мама преподавала экономику в вузе, папа – английский язык. Можешь себе представить, какие баталии частенько звучали на нашей кухне. Мне всегда было жутко скучно, но, английский язык я выучила уже в детстве благодаря тому, что папины коллеги любили поболтать между собой, переходя именно на иностранный язык, намеренно ставя маминых друзей в неловкое положение. А еще говорят, педагоги – интеллигенты. Вино, коньяк, текила?

– Текила.

– Я, пожалуй, выпью вина.

– Твои родители живы? – он поднялся и помог открыть мне бутылку.

– Нет, – я покачала головой и достала бокалы. – Они летели на том злосчастном рейсе из Шарм-Эль-Шейха в Санкт-Петербург в 2015-м.

– Прости...

– Никогда не была в Египте. И никогда в жизни туда не полечу. Прошло два года, а у меня до сих пор перед глазами последнее смс от мамы "Через час вылетаем. Очень тебя любим. Мы так счастливы! Спасибо тебе, родная, за этот подарок". Подарок, мать твою, – я разлила напитки и нервно поставила бутылки на стол, – Я подарила им путевки на сорок вторую годовщину свадьбы. Они каждый день звонили мне и хихикали, как молодожены от радости, им было там так весело. Они, как и вся советская интеллигенция, никогда не были за границей. И, ты удивишься, эта страна на них так положительно повлияла. Они на две недели отпуска забыли про всю свою серьезность, деловитость. Веселились, как дети, знакомились с молодежью, ходили на дискотеки, летали на парашуте. Мне казалось, что они проводят не сорок второй совместный отпуск, а медовый месяц – так звенели их голоса.

Влад махом выпил текилу, закусив лаймом.

Спасибо соседке, забила холодильник до отказа перед моим приездом, можно пить сколько влезет и не задумываться о закусках.

Я нарезала сыр и салат, а Влад задумчиво рассуждал:

– Твои родители сейчас в лучшем мире, Марина. Тем более, ты говоришь, они так любили друг друга. Они теперь навсегда вместе... Они венчались?

– Нет. – Я поставила перед ним тарелку с нарезками, –

Они не венчались и, как и я, были атеистами. Нет никакого "лучшего мира", Бога и жизни после смерти. После смерти есть только надгробная плита и воспоминания о человеке. Это точка зрения моей семьи.

– Ты никогда не верила в Бога? – спросил он, наливая себе еще.

– Верила. Давно, в детстве. А потом умер мой семимесячный брат, и вся вера улетучилась. Он тяжело болел, врожденное заболевание, дети с таким не доживают до года, как правило. Соседские бабульки много говорили о кресте, что достался нашей семье, что Сережка – ангел, который сейчас в другом мире, где ему лучше. Что этот ребенок был послан нам Богом, чтобы ценой своей жизни открыть многим глаза и сердце. Я ради приличия кивала головой, но даже в свои пять лет я прекрасно понимала, что всё это – ересь. Нет никакого Бога. А если и есть... Если и есть тот Бог, который заставляет взрослых бухариков что-то там понять ценой жизни и адских страданий маленького, ни в чём не повинного создания, тот этот ваш Бог просто чёртов извращенец. Не должна мать выть волком, держа на руках бездыханное тело своего младенца. Не должен отец умирать морально, каждый раз смотря в несчастные глаза своей женщины, осознавая собственное бессилие перед болезнью их малыша, ведь от неё он не может уберечь. Это просто жизнь. Сраная жизнь, в которой умирают младенцы, а преступники разгуливают на свободе, насилуя и убивая. Сраная жизнь, в которой ребенок

семь месяцев своей маленькой жизни провел привязанным к кровати, чтобы не сбить катетер с капельницами. А после этого все равно умер, хоть так мужественно и сражался за свою жизнь. Он просто умер. Его больше нет. Ни в этом мире, ни в каком-то другом, "лучшем". Он не стал ангелом. Он стал просто воспоминанием своей семьи. И от этого просто тошно. А чтобы было не так тошно, люди придумали и Бога, и Рай, и глупые оправдания в виде миссии страдающих детей и то, что после смерти мы все будем вместе.

– Сильно... – Влад смотрел в мои глаза не отрываясь и вроде над чем-то размышлял, – Только с чего ты вообще взяла, что это это от Бога? Ты забыла о противоположной силе? Войны, голод, болезни.. Это всё явные козни другого парня, того ещё извращенца. Знаешь, меня спасла только вера. Если бы тогда, десять лет назад, я был бы настолько пропитан цинизмом и думал так, как ты сейчас, ... Я бы просто сошел с ума. Может быть, я не достаточно силён, как твои родители, и не смог пережить потерю своего ребенка, смотря на мир... Рационально...

– Ты не слабее, Влад. Просто у моих родителей была я, и они были друг у друга. А ты потерял в один день абсолютно всё... И мои родители имели возможность похоронить своё дитя. А ты до сих пор не знаешь, живы ли твоя жена и дочь? Масштабы трагедии в каждой семье свои. Даже любовь. Любовь людей друг к другу всегда имеет разную силу, разную гамму красок. Никто не знает, что помогло бы моей семье

пережить горе утраты твоих масштабов. И ещё, я искренне уважаю чужую веру. Если людям легче с ней жить – почему нет? Почему не верить? Просто я не верю. Это моя точка зрения, я никому её не навязываю, да и не имею на это права.

– Религия, как и политика. Говорить, рассуждать и спорить можно долго... Только зачем? Давай лучше напьёмся, как и планировали.

– Аминь.

Ближе к десяти часам вечера мы были уже так пьяны и веселы, что оставаться дома было просто недопустимо. Наши души требовали простора, наши задницы – приключений, и мы отправились гулять по Петербургу.

Мы шатались от бара к бару, забредая внутрь, чтобы выпить ещё и ни в коем случае не отрезветь. Почему-то сегодня мы оба категорически не хотели сохранять светлость ума, и потому накидывались, как те же школьники на выпускном – не зная меры, или просто её игнорируя. Как результат, мы сами не помня, как, оказались у какого-то ночного клуба.

– Пойдем, встряхнём свой песочек! – подталкивая меня к дверям, кричал мне на ухо Влад. Кричал, потому что даже на улице стоял дикий грохот.

– А наш песочек после двух литров текилы и четырёх литров вина не взбунтуется?

– Трусиха! – он обошёл меня, открыл дверь и настойчивым жестом потребовал, чтобы я вошла... Да и к чёрту всё.

У меня ещё есть пара дней перед работой, чтобы прийти в себя после этой ночи.

Мы так отчаянно танцевали до четырех утра, что я подвернула ногу. Из клуба я выползала, прихрамывая и опираясь на Влада. Как умудрялся ползти он после лошадиной дозы алкоголя и такой хромой ношей, даже не догадываюсь. Мой пьяный кавалер вызвал такси, причём так искусно, что оператор даже поняла, какой адрес он ей диктовал. Я не разобрала ни слова. То ли он лыка не вязал, то ли я уже ничего не соображала. Так или иначе, но через пятнадцать минут нас забрала машина и доставила к моему подъезду. Влад помахал мне ручкой.

– А я к себе. Если ты не против, чемодан заберу завтра.

– Не против, я завтра еще дома.

– Я тоже. Добрых снов, и веди себя хорошо!

Я махнула ручкой в ответ и медленно поплелась к себе. Мог бы конечно проводить и до двери, но видимо он уже и сам сомневался в своей кондиции, так что пусть лучше едет домой и поскорее добирается до постели.

С замком я возилась долго, сосредоточенно сопя, и не менее сосредоточенно матерясь. Минут через семь моих мучений, открылась дверь, правда не моя. На лестничную клетку вышла заспанная Катька, та самая соседка, которая берет к себе Бима на время моих поездок.

– Совести у тебя нет, – буркнула беззлобно, – Мало того, что псину до сих пор не выгуляла, ещё и шуршишь здесь

среди ночи. А он, между прочим, скулил тут на весь подъезд.

Я должна была бы предаться мукам совести, но она тихо-нечко спала, сдобренная приличной порцией вина. К тому же, я была уверена, Катька, отправляясь на прогулку со своей немецкой овчаркой по кличке Ляля, прихватила и Бима. Я виновато захлопала ресницами и протянула ей ключи. Катя закатила глаза, но дверь мне открыть помогла.

– Не благодари, – она подхватила меня под руку и помогла зайти в квартиру, – и с Бимом я погуляла.

– Я не сомневалась в тебе.

– Зато я в тебе уже как-то не уверена. С каких пор ты пьешь? Ещё и в таких количествах.

– Я еще и танцую, оказывается, как Майкл Джексон.

– Думаю, он получше владел телом. По крайней мере, ноги себе не выкручивал.

– Ну что ты за выдра.. – вздохнула я тяжело, опускаясь на банкетку.

– Нет, нет, нет, – запротестовала Катя, – идём-ка сразу баиньки в кроватку, а то рухнешь здесь и еще чтонибудь сломаешь.

– Я подвернула...

– Угу, – она вновь подхватила меня и пошла в сторону спальни, – Так по какому поводу пьянка была? Без меня? Бывший друг Марина.

– Я с парнем познакомилась...

– Алкоголиком?

– Нет, Катя, он очень приличный и такой приятный...

– Это в тебе вино говорит. Спи, – она уложила меня на кровать и направилась к двери, – Завтра расскажешь все подробности. С парнем она познакомилась... Напилась... Куда эта девушка дела мою Марину?

Ее голос удалялся вместе с шагами, а мое сознание проваливалось в сон.

По ту сторону. Первый шаг.

И на той самой фазе, когда ты уже засыпаешь, но еще не теряешь связи с реальностью, случился толчок. Я резко, за долю секунды ощутила нехватку кислорода, словно в вакууме. Естественная реакция – проснуться, спастись. В глаза бил яркий свет. Но я же точно помню, что засыпала в полной темноте! И боль.. Боль во всем теле – дикая, нестерпимая.

– Бим! – жалобно позвала я, но ответом мне была тишина.

Кто-то легонько дотронулся до моей ноги и это прикосновение отозвалось очередным эхом боли.

– Что происходит? Где я?

– Ты у меня в гостях, – тоненький детский голосок, скорее всего, девчачий, прозвенел над моим ухом, а в голове забили тысячи молотов.

– Это сон. Нет, это точно сон!

– Это не сон, ты пришла ко мне в гости, я звала тебя.

– Что за черт? Куда я пришла?

– Успокойся, – маленькая теплая ладошка коснулась моей

щеки, – Как тебя зовут?

– Марина, а тебя? – я не видела лица ребёнка из-за этого чёртового света и с трудом понимала, что она говорит из-за дикой головной боли, которая отдавала звоном в ушах. Только её прикосновения.. Только эта тактильность помогала.

– Я Алиса. Ты у меня в гостях.

– А где это у тебя в гостях?

– Я не знаю.

– Весело, – я попыталась подняться, но сильно ударилась головой и взвыла.

– Осторожно! – с опозданием предупредила меня малышка, – здесь очень низкие потолки!

– Я уже это поняла. Ты здесь живёшь?

– Да.

– В комнате без света и с низкими потолками?

– Да.

– Но почему?

– Потому что я – отвратительная. Так сказала моя мама.

– А где твоя мама?

– Здесь...

... Я резко открыла глаза и села в кровати. В комнате было темно, и я всё не могла вернуться в реальность, мне казалось, я всё ещё в той коробке с низкими потолками, с ярким светом и с несчастным ребенком.

Это были не низкие потолки, это больше напоминало... Я

передёрнула плечами и вслух произнесла свою догадку:

– Гроб.

В гробу, понятное дело, места значительно меньше, там и лежать то тесно, не то что сидеть. Но по ощущениям, я словно побывала в гробу.

Потерев лицо руками, я включила настольную лампу. Я дома, в своей кровати, рядом спит Бим. Всё хорошо...

– Но видимо, в башке у меня не очень-то хорошо. – пробубнила я и, приложив немало усилий, всё таки встала с кровати.

Боль в теле не исчезла, про головную и говорить не стоит. Похмелье после тридцати никого не щадит.

По пути на кухню я включила свет во всей квартире, открыла в гостиной окно и в кухне сделала тоже самое. Кислород сейчас мне был просто необходим. Пошарив в шкафчике, я нашла пачку зелёного чая, поставила греться чайник и, предварительно выпив не меньше полулитра воды прямо изпод крана, села за стол. Пришёл Бим, устроился у моих ног и вроде снова задремал, а я всё сидела и смотрела в одну точку, переваривая свой сон. Я поняла, о чём и о ком он уже когда готовилась проснуться. А точнее, я проснулась, чтобы поскорее закончился этот кошмар.

Десять лет назад я была двадцатилетней девчонкой, красивой и амбициозной, заканчивающей университет, только начинающей строить свою карьеру. Летом, на отдыхе я познакомилась с очень красивым парнем из Австрии, Марку-

сом. Мой английский тогда оставлял желать лучшего, и общий язык мы находили лучше всего в постели. Отпуск закончился, а наш роман – нет. Маркус прилетал ко мне каждые две недели, но отношения на расстоянии чаще всего обречены на провал. Так было и в нашем случае. Ближе к Новому году меня так закрутила работа, а я вдруг поймала себя на мысли, что мы уже неделю не созваниваемся. И меня это не напрягало. Его тоже.

А новогоднюю ночь я провела в обнимку с унитазом, хотя выпить успела только бокал шампанского. На утро я ощущала дурноту, слабость и просто не могла оторвать голову от подушки. Поискав в интернете симптомы и их причину, я бегом отправилась в аптеку за тестом на беременность. Две полоски повергли меня тогда в такой шок, что я полтора часа сидела и пялилась на них, отказываясь осознать, что это происходит со мной.

Почему я? Почему сейчас? Когда жизнь только пошла в гору! Я устроилась работать в отличную компанию с перспективой быстрого карьерного роста! Когда мне ещё год нужно учиться в университете! Почему от человека, которого я уже не люблю, да и вообще вопрос – любила ли? Да, это были яркие отношения, но они и пестрили только редкими встречами, а наши разлуки только подогревали наш интерес друг к другу.

В общем, это банальная история с самыми банальными причинами, по которым я на тот момент не хотела этого ре-

бёнка, но в то же время не хотела делать аборт. Как следствие, я совершенно не знала, что делать дальше. Не представляла свою будущую жизнь, да и не хотела представлять, откровенно говоря. Отказывалась верить в то, что вместо шикарных перспектив карьерного роста передо мной теперь будет стоять выбор только между маркой подгузников и кашек.

В день, когда я собиралась в клинику вставать на учёт, на моём пороге возник Маркус. Без звонка, без предупреждения и без улыбки.

– Я так соскучился, – прохрипел он на своём ломаном английском и попытался меня поцеловать.

– Подожди, Маркус, – я отстранилась и пропустила его в квартиру. Не хватало ещё устраивать соседям бесплатное представление.

– В чем дело, малыш?

– Маркус... Мы с тобой уже практически месяц не созванивались, и вот ты появляешься в моей жизни, даже не предупредив заранее.

– Ты не одна? – он с подозрением уставился в сторону гостиной, а я рассмеялась.

– Точно! Не одна. Я беременна.

– Малыш.. Ты.. Что?

– Знаешь что... Проходи в кухню. Видимо разговор предстоит долгий.

Разговор действительно вышел долгим и непростым. Мар-

кус злился и не понимал, почему я не хочу обсуждать вариант совместного воспитания ребёнка? И я его прекрасно понимала, ему было на тот момент тридцать два года, он работал руководителем аналитического отдела в банке, жил в своём доме и был готов к семье. И по его словам, я подходила на роль жены просто идеально.

Беда была в другом, он не мог понять меня. А мне было страшно. Мне было двадцать, я только что начала работать, еще не закончила университет, месяц назад взяла ипотеку на квартиру, в которую только-только переехала. Он категорически не готов был перебираться в Россию, а я – в Австрию. Мы спорили уже почти час, перейдя при этом на повышенные тона, я разозлилась окончательно и выпалила:

– Ты не понимаешь главного. Мне не нужен сейчас ребёнок, я не готова становиться матерью. Я до сих пор не осознаю, что во мне теплится новая жизнь, и не имею представления, как нести за неё ответственность! И тем более я не готова создавать семью *с тобой*. Для меня это сейчас перегруз информацией, дай мне смириться хотя бы с тем, что я уже не одна! А ты... Господи, да мы даже не любим друг друга!

Глаза Маркуса блеснули злобным огоньком. Он, быть может, и понимал, что я права. Глупо создавать семью по завету, когда даже любви нет, но он, как зрелый мужчина был убеждён в другом :

– Любовь, о которой ты говоришь – подростковая глупость. Что тебе нужно, Марина? Бабочки в животе, звонки

каждый час, поцелуи каждые пять минут? Да, я не даю тебе этого. Да и как я мог тебе это дать, живя в другой стране?! Но я готов дать тебе стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Ты можешь вообще не работать, и ни в чем не нуждаться. Любовь придёт к нам: другая, зрелая. Может, не та, о которой ты сейчас фантазируешь... но придёт, обещаю. Ты полюбишь меня. Дай нам шанс.

Маркус остался со мной в ту ночь, заботливо укрывал одеялом, гладил живот и целовал мои волосы. А я из последних сил держалась, чтобы не завывать от отчаяния. Я не любила этого мужчину, каким бы красивым, умным и заботливый он ни был. И никогда бы уже не полюбила. Я понимала это.

И видимо Вселенная это тоже поняла. Мои послы «не хочу этого мужчину», «не хочу этого ребенка» дошли до нужных точек космоса. Под утро я проснулась от сильной тянущей боли внизу живота и сразу поняла, что произошло. Разбудила Маркуса, попросила отвезти в клинику, где мне сообщили о выкидыше.

Маркус был белее мела, а я, признаться, выдохнула с облегчением. И откровенно не могла понять, почему он так убивается? Мы ведь были на грани разрыва: звонки всё реже, ссоры всё чаще. Я озвучила ему свои мысли, а он посмотрел на меня с такой болью во взгляде, что я невольно разревелась

– Ты ещё молодая, Марина, и многое понимаешь неправильно. Ты не понимаешь даже, что я люблю тебя. И ссоры наши были связаны с моей ревностью, ведь я понимал, что

ты красива, и мимо тебя пройдёт только дурак, а я слишком далеко, чтобы защитить. И ещё понимал, что не хочу давить на тебя. Ведь ты тяготилась последнее время нашим общением, это было заметно. Я хотел дать тебе время соскучиться по мне, но теперь понимаю, что просто тебе не нужен. И здесь я бессилен.

С этими словами он просто встал и ушёл. Ушёл из моей жизни навсегда.

И вот сейчас, десять лет спустя, я сижу на своей кухне в обнимку с кружкой горячего чая, вспоминаю Маркуса, нашего нерожденного ребенка, и не могу понять – почему девчонка стала сниться мне только сейчас? И почему именно девчонка? Хотя, с этим-то более или менее понятно, я всегда мечтала о дочери. Но почему по прошествии такого времени? Тем более, когда в моей жизни появился новый парень и у нас всё только начинается.

Или это звоночек? И где – то внутри я провожу параллель между Владом и Маркусом? Такой же заботливый парень, с уважением относящийся к моей свободе, такой же добрый и ласковый, с которым мне так же спокойно... К которому я так же испытываю только уважение. Уважение – и всё. Быть может, та безрассудная любовь, которую описывают в книгах действительно лишь фантазии авторов? И уважение, тёплые, но ровные чувства – и есть та самая зрелая любовь? А не вот это вот всё самоуничтожение с вечным самокопанием и

анализом поведения избранного самца?

Может быть ВОТ Так нужно любить? Испытывая лишь уважение и благодарность? А я, уверенная, что чувства – это экшен, потому и одна до сих пор, что боюсь потерять себя в потоке эмоций и зависимости от другого человека? Хотя почему одна? В моей жизни сейчас Влад, и всё хорошо. Гладко, ровно. Так к чему эти лишние мысли: моё /не моё? Наверно, моё, раз уж я в таком покое, когда он рядом.

Сделав глоток горячего чая, я поймала себя на мысли, что не помню, как заварила его.

– Чушь какая-то, – я посмотрела в чашку, на Бима, который спокойно спал и вряд ли мог налить мне чаю. – Собрись, тряпка. Успокойся и иди спать. Какой-то сон так выбил тебя из колеи, какие-то парни стали выбивать тебя из колеи.. Стареешь.

Возвращаясь в постель, я невольно вспомнила того самого парня, всерьёз пошатнувшего моё равновесие в самолёте. Эта его мощнейшая энергетика, окутавшая меня с первой секунды теплым пледом. Его власть и моя безопасность, мужчины-доминанты всегда предлагают такой коктейль одним своим взглядом. Они привыкли к полной передаче контроля в их руки, полному доверию со стороны женщины. Далеко не каждый заслуживает такого доверия, требуя его. Но этот... Редкий экземпляр. От него веет силой, способной и защитить женщину, но и подчинить.

– Пижон чёртов, – пробурчала я, проваливаясь в сон, на

этот раз с чувством полного покоя. И на этот раз мне синилось что угодно, но только не кошмары.

Снилось, правда, не долго. Когда в твоём доме живёт собака, ты можешь приползти домой в четыре утра, что называется, на бровях. Ты можешь до самых предрассветных сумерек сбрасывать оцепенение после плохих сновидений. Но в семь утра будь любезна, проковыряй глаза и выведи псину на улицу, если не хочешь проснуться в газовой камере. Примерно это и пытался донести до меня мой друг, активно вылизывая моё ухо и жалобно поскуливая.

– Имя Бим тебе не подходит, – я накрыла голову подушкой, – Надо было назвать тебя Адольфом.

– Гав! – мелкие коготки зашуршали по моей руке.

– Давай через час?

– Гав! Гав!

– Хорошо, через двадцать минут?

– Гав! Гав! Гав!

Маленький фашист унёсся в прихожую и вернулся через несколько секунд с поводком в зубах.

– Гав!

– Яволь, майн факинг фюрер.

Поскуливая ничуть не менее жалобно своего друга, я выползла в прохладное почти апрельское питерское утро, в наспех надетом спортивном костюме, не удосужившись даже умыться и причесаться.

Солнышко уже согревало, но не припекало, Бим носился

по улице, пристраиваясь к каждому дереву, а я сидела на лавочке и уговаривала себя не засыпать.

– Вот сейчас вернемся домой...

– Ты сама с собой уже разговариваешь? Дожила, пьянь, – рядом на скамейку плюхнулась Катька, а я искренне пожелала ей провалиться вместе с её бодростью и оптимизмом.

– Провожу ритуал пробуждения.

– Н-да? – хмыкнула она, – Ну и как? Работает?

– Ну ты же материализовалась, значит, работает. С твоим трещанием над ухом попробуй усни.

– Ладно, рассказывай про своего интеллигента, который тебя спаивает.

– Никто меня не спаивает.

– Да ты же всегда нос воротила от любой выпивки. Только вино.

– А я и пила вино.

Катька с подозрением на меня уставилась. Проверила температуру, пощупала пульс.

– Ты – не моя Маринка. Моя Маринка – редкая зануда, которая при виде напивающихся вином, кривит презрительную рожу и читает трехчасовую лекцию о наслаждении нотками аромата сего прекрасного напитка...

– Заткнись, – вздохнула я тяжело, – Каюсь, вчера была не в себе. Я вообще не в себе с момента вылета из Денпасара.

Я вкратце рассказала Кате о своих приключениях, о знакомстве с Владом и недоразумении с этим козлом в самолете.

те. Попыталась донести, как меня тронула история Фарт, и как мы с ним отправились заливать зеньки и искать приключений, в поисках всего веселого, что только можно взять от жизни.

– Фарт? Я тоже помню эту историю. И даже, кажется, самого его помню. Он работал в другой редакции, так что лично мы знакомы не были. Я помню, один из ребят в нашей редакции тогда брал интервью у следователя. – Катя почесала за ухом и тут же переключилась на другую тему, – Да, я бы тоже напилась после таких событий... Особенно после того, как меня чуть не трахнул в самолете такой альфа-самец, каким ты его описываешь. Уж прости, что я умоляю масштаб эффекта "вау", произведённого Владом вместе с его историей.

Мой взгляд должен был бы испепелить эту ведьму, но, Катя – журналист, её бесполезно пытаться пристыдить. Вместо этого я свистнула Биму, роющего яму под деревом и погрозила пальцем. Даже у собаки с совестью дела обстояли лучше, пушистый комок сразу поскакал дальше.

– Ладно, праведная моя, расскажи, как отдохнула.

– Нормально, только с волнами не повезло в этот раз.

– Тебе лишь бы посёрфить. Ты мне лучше расскажи про природу, температуру воздуха и кухню в отеле.

– А тебе лишь бы пожрать. Тут, дорогая моя, всё на высшем уровне, – я почесала за ухом, как Катька пять минут назад и тоже переключилась, – А твой бывший коллега смо-

жет раздобыть данные предполагаемого любовника Евгении Фарт? Помнится, перед тем, как следствие только набрало обороты, он просто исчез с горизонта.

– Тебе это вообще зачем?

– Вообще... Вообщееее без понятия. Но почему-то мне сейчас так понадобилась эта информация, что просто зуд начался. Хотя бы фамилия имя отчество.

– Хорошо, – Катя покосилась на меня, – Только что ты дальше будешь с этой информацией делать? Бросишься разыскивать мерзавца, которого и полиция то не нашла? А потом – бац, -и раскроешь преступление. Евгению похитил любовник, она жила у него в каком нибудь замке на Востоке и растила все эти десять лет в заточении десятерых их детишек.

– Прекрати ёрничать, я правда без понятия, зачем мне это. Но чувствую, что нужно. Просто сделай, – я снова свистнула Биму и позвала домой, Катюшку поцеловала, – вечером ты еще тут?

– Нет, я итак перенесла вылет. Через час выдвигаюсь в аэропорт. Лялю мою не забудь выгуливать.

– Не забуду, я ее к нам заберу, Биму веселее будет. Когда возвращаешься?

– Я буквально на пару дней. Напишу.

– Хорошо. Успешной командировки.

Мы простились и я отправилась наконец досыпать. Но, сегодня видимо, кто-то на небесах явно решил припомнить

мне моё вчерашнее низкое падение. Из подъехавшего такси выпорхнул Влад и направился к моему подъезду. Я не стала напрягать фантазию и позвала его, как и Бима – свистом. Он конечно же обернулся, а Бимчик уставился на меня в недоумении.

– Хотел бы я сказать тебе "доброе утро", но полагаю после такого приветствия ты заедешь мне в ухо.

– С ноги, – кивнула я и приблизилась. – Ты немного застал меня врасплох.

– Да, я вижу, – ухмыльнулся он, разглядывая мой спортивный костюм и вчерашний макияж, – но у меня не было выбора. Позвонили с работы, попросили смотаться в Казань на день, так что чемодан мне нужен как можно скорее. А на звонки ты не отвечаешь.

– Да, не взяла с собой мобильный. Пойдём, отдам тебе твой чемодан.

Бим, подойдя в упор, всё таки узнал Влада и стал активно просится к нему на руки, но, оказавшись в его объятиях, ещё более активно запросился обратно. Запах перегара мой пёс никогда не переносил.

– Какой неженка, – засмеялся Влад, отпуская эту проститутку, когда мы вошли в лифт.

– В те редкие дни, когда я не пью, мы с ним оба не переносим пьяных мужиков.

– Тогда вам придется привыкать, будем пить каждый день.

– И умрём в один день, довольно скоро.

– С тобой мне не страшно, если этот день наступит даже завтра.

Влад развернул меня к себе и в упор смотрел в глаза. Со стороны, наверно, ситуация выглядела комично: два придурка, которые только вчера познакомились, вместе напились и затусили в ночном клубе, сегодня с похмелья решают быть вместе до конца своих дней... Но я абсолютно не тяготилась сейчас близостью Влада не смотря на перегар, и мой, и его. Не смущал меня и тот факт, что я забыла почистить зубы и принять душ. Освежить макияж... Только с самыми близкими мы можем позволить себе это. И сейчас я себе это позволяла, без малейших зазрений совести. И не испытывала неловкости из-за его слов, ибо они не оттеняли какими-то обязательствами всерьез. Это был просто... разговор.

Дверцы лифта разъехались, а мы продолжали стоять, тараща друг на друга. Лифт закрылся и поехал вниз, но нас это не волновало, мы словно застыли в этом мгновении, обмениваясь мыслями.

– Здравьете. – В лифт ввалилась Катька со своей Лялей и стало тесновато.

– Здравьете, – эхом отозвался Влад и оторвал таки от меня взгляд, выпустив из гипноза.

– Мы как, наверх? Или постоим? – её ироничный тон вернул нас к жизни и мы смущённо разулыбавшись, отвернулись друг от друга. – Симпатичный, – констатировала Катька, беззастенчиво тараща глаза на Влада.

– Катя, – я хохотнула, Влад тоже и обстановка моментально разрядилась.

– Да, кстати, я – Катя, – протянула она свою когтистую лапку, – И я уже знаю о тебе практически все. Ах, да, мы – коллеги.

– Ты, видимо, соседка? – Влад с лучезарной улыбкой потряс ее руку, – Я о тебе тоже слышан. Рад знакомству.

– Взаимно, – мы как раз расходились по квартирам, я пропустила Влада вперед, и Катя, уловив момент, показала мне "класс". Я усмехнулась и закрыла дверь.

– Бойкая у тебя подруга, – Влад уже заметил свой чемодан у комода и направился к нему, – Мне нравятся такие люди.

– Обычно мужчины её побаиваются.

– Я тоже её побаиваюсь, но подруга она отличная, уверен, – Влад снова сгрёб меня в охапку и уставился в глаза, держа в другой руке чемодан. – И знаешь, её боевой задор заразителен. Секс на утро в качестве лекарства от похмелья у тебя когданибудь был?

– Отвали, – я рассмеялась и подтолкнула его к выходу. – Позвони, как долетишь.

– Хорошо. Я на день, ты даже соскучиться не успеешь. Из отпуска выходишь после выходных?

– Да.

– А "шенген" у тебя есть?

– Кхм... Да, – я недоуменно уставилась на него.

– Отлично. На выходные летим в Париж, – с этими словами он уже покидал мою квартиру.

– Что? Влад! – я бросилась за ним на лестничную клетку, – Это сейчас было предложение, или ты поставил меня перед фактом?

– Как я могу поставить тебя перед фактом, глупенькая? – он беззаботно улыбнулся и вызвал лифт, – Я не знаю данных твоего загранника, как бы я взял билеты? Конечно, это предложение, и если ты согласна, скинь фотку паспорта, я все оформлю.

– Стой! – я подошла и перекрыла доступ к лифту. – Почему именно Париж?

На моём лице читалось явное недоверие, которое он просто не мог не прочесть. Он поставил чемодан на пол, взял в руки мое лицо и уверенно заглянул в глаза.

– Ты наверно подумала, что я позвал тебя туда, чтобы поностальгировать по Женьке, но это не так. Клянусь тебе, я давно уже смирился с тем, что её нет и никогда не будет в моей жизни. Я её отпустил. Париж – волшебный город, он пропитан романтизмом, как бы пафосно и банально это ни звучало, но так и есть. Я хочу окунуться с головой в эту романтику *с тобой*. И ещё, я просто хотел сделать тебе приятно.

– Хорошо, – я сразу расслабилась, Влад без единого намека понял, что меня насторожило и без единой запинки успокоил, – Но с условием, в воскресенье вечером мы должны

вернуться. В понедельник у меня командировка в Москву.

– Договорились, малыш. А теперь мне правда пора, такси ждет, – он снова вызвал лифт, – Сбрось мне паспорт. И ни о чем не беспокойся, я забронирую и билеты, и гостиницу.

Он чмокнул меня в нос и был таков. С момента встречи с этим парнем равновесие в моей жизни пропало, хотя изначально я ставила именно на покой. Интересно, теперь каждое утро будет начинаться с сюрпризов?

Скрипкин Алексей Анатольевич

Утро Алексея Анатольевича Скрипкина вот уже шесть лет подряд начиналось одинаково: подъём в семь утра, душ, крепкий свежесваренный кофе и завтрак.

Завтрак без неё.

Его супруга, Елизавета Петровна Скрипкина умерла шесть лет назад, и вместе с ней умерла его душа. Бравый, циничный мент, проживший тридцать два года в браке с этой чудесной женщиной, оказался беспомощным щенком, лишившимся хозяина-лучшего друга-любимого человека на свете. Он потерял всяческий интерес к жизни, хотя, когда задумывался, понимал – невозможно потерять то, чего нет. Весь кислород в его лёгкие всегда вдыхала она, и всю его жизнь самыми сочными цветами всегда окрашивала только она. Она пропускала мимо ушей его брюзжание, когда они собирались в отпуск в Крым, а не на дачу. Он не понимал, зачем тратить деньги и тащиться куда-то за тридевять земель,

когда дача под боком и вся еда – с грядки? Он вредничал всю дорогу, а она кормила его курицей и травила анекдоты. Он простывал в первый же день пребывания на море, а она умудрялась реанимировать его за два часа с помощью своих секретных настоек. Возвращаясь домой, он всегда благодарил её, за очередную вылазку, за то, что не пошла на поводу у него, ленивого бегемота. Елизавета Петровна в ответ лишь улыбалась уголками губ, помешивая сахар в его чае. Четыре ложки. Он всегда пил крепкий и очень сладкий чай... Пока она была рядом. Когда её не стало, Скрипкин возненавидел и чай, и сахар.

Каждое утро он уже по инерции варил себе кофе в турке, выпивал его, читая газету, без аппетита завтракал и отправлялся на утреннюю прогулку. Сразу после смерти жены, он подал в отставку, ушёл на пенсию и первые полгода совершенно не находил причин просыпаться по утрам. В один не самый прекрасный день, проходя мимо зеркала, он не узнал человека по ту сторону – то был бомжеватого вида старик, в потёртых трениках и клетчатой рубашке, с бородой, которая полгода не видела ни станка, ни ножниц. Он притормозил и подошёл ближе, всматриваясь, а его мозг всё никак не мог принять тот факт, что это действительно он.

– Пора что-то менять, – прохрипело отражение, – Или приведи себя в порядок, или иди уже наконец пристрелись.

По эту сторону зазеркалья он всё таки решил взять себя в руки, отправился в ванную комнату и добрых сорок ми-

нут избавлялся от одной только бороды. Затем он принял горячую ванну, нанял на один день домработницу, которая добрых сорок минут избавлялась только от грязной посуды в его раковине. Её аванс составил половину его пенсии, но он отдавал деньги без жалости, потому что сам он просто не смог бы победить весь тот хаос, который собственноручно и создал в своём доме. Лизавета бы ужаснулась, увидев, в какой помойке он живёт без её присмотра. Их старая квартира с высокими потолками в самом центре Петербурга перешла ему в наследство от деда. Последний ремонт Скрипкины делали около десяти лет назад, да и то всего лишь отциклевали паркет и переклеили обои. Дух советских пережитков вкупе с беспорядком и грязью создавали впечатление при входе в эту квартиру, будто попадаешь в коммуналку, обитатели которой в основном алкоголики. Мария Игоревна, домработница, сделала свою половину дела – выдраила, вычистила. Вторую половину Скрипкин решил, не откладывая, выполнить сам. Переклеил обои, с улыбкой вспоминая, как они спорили с Елизаветой по поводу цвета.

– Лёша, ну неужели ты не понимаешь, что светлые обои – это благородно? Я хочу больше света в доме, уюта...

– И пятен на стенах! Лиза, нужно мыслить практично, на светлых обоях все пятна видны в разы сильнее! Давай возьмём уже вот эти коричневые и поедем домой! Ты полдня меня таскаешь по магазинам!

В тот день Елизавета уступила. Переклеивая обои уже в

одиночку, уступил Алексей Анатольевич. Он выбрал не просто похожие, а те самые, которые она тогда хотела. Он не поверил своим глазам, когда зайдя в магазин, он увидел эти обои на входной витрине. Светло-кремовые, с тонким золотым арнаментом. Закончив оклеивать квартиру, он с улыбкой пробормотал:

– Она была права, так намного уютнее и светлее.

С этого самого дня, когда он навёл в доме генеральную уборку и привёл себя в порядок, в его жизни наметилась если не светлая полоса, то точно лёгкий проблеск света. Он на резком выдохе сложил все вещи Елизаветы в четыре больших коробки и отвёз на вокзал – раздал бездомным. Его старые трико и бесформенные застиранные рубашки уместились в одну маленькую коробку и обрели нового хозяина там же. Возвращаясь домой, Алексей Анатольевич заглянул в торговый центр, на фасаде которого огромные буквы гласили о распродаже и купил себе почти современные джинсы, пару футболок, пару рубашек и новые туфли. На этом весь его бюджет закончился, и он порадовался, что в прошлом месяце не потраченные деньги убрал дома в шкатулку, а не отнёс в банк, его вклад был без возможности ежемесячного снятия средств. Оказавшись дома, он протёр пыль с их любимого фотоальбома, в котором хранились фотографии с первого дня их встречи, и убрал его в дальний ящик шкафа. Выпив последнюю чашку сладкого чая в своей жизни,

Скрипкин набрал номер старого друга, директора юридического университета.

– Привет, Сергей! Как Алла? Как дети?

– Лёха! – на том конце провода его приветствовали с неподдельной радостью, – Всё хорошо, Алла наблюдается сейчас у врача, диабет достал. Дети в порядке, Антон поступил на юридический в нашем университете, а Алёна, не поверишь, заявила, что через год, по окончании школы, будет поступать в строительный! Надеюсь, её переубедить за этот год.

Скрипкин хохотнул по-доброму, вспомнив маленькую хрупкую Алёну, рост которой не превышал и 160-и сантиметров, а вес – 45 килограмм. Представить такую малышку было трудно даже в белой каске где нибудь на стройке, однако, вспомнив её упрямый характер, Алексей Анатольевич мог только посочувствовать своему другу и пожелать удачи в его скорее всего бессмысленных попытках переубедить дочь.

– Ты то сам как? – тон Сергея переменялся с шутливого на сочувствующий. – Оклемался? На похоронах Лизы ты был просто сам не свой.

– Да, я в порядке. Поклеил новые обои, очень горжусь собой.

Мужчины посмеялись, Сергей порадовался, что Алексей, как и всегда впрочем, в любой самой трудной ситуации, с лёгкостью разрядил обстановку.

– Собственно, я звоню тебе по делу, – Скрипкин был зна-

ком со своим другом ещё со школьной скамьи, и был уверен, что тот не откажет ему в маленькой любезности, – После смерти Лизы я уволился, а теперь совершенно не знаю, чем себя занять. В следственный комитет возвращаться не хочется, всё таки я уже староват для этого. Но вот если у тебя на какойнибудь кафедре найдётся местечко для старомента – читать лекции по уголовному делу пару раз в неделю, или ещё что – знай, я с радостью.

– Хорошо, я думаю, это легко устроить. – Сергей даже не раздумывал, сразу с радостью вызвался помочь. – Тебе ведь заработная плата не принципиальна? Сам знаешь, сколько получают у нас преподаватели, тем более на неполной ставке.

– Знаю, конечно. И конечно, мне совершенно неважно, сколько мне будут платить. Просто хочется чувствовать себя полезным! Это не хандра, не подумай. Наоборот, окончательно пришёл в себя и рвусь в бой.

Сергей перезвонил буквально через полчаса и сообщил Скрипкину, что как раз преподаватель уголовного права сейчас перегружен, работает сверхурочно помимо двух своих ставок и будет очень признателен, если ему помогут и заберут хотя бы пару-тройку лекций в неделю, ну а если заберут больше – он будет только рад.

Таким образом пять с половиной лет назад Скрипкин Алексей Анатольевич переквалифицировался из следователя в преподавателя уголовного дела в одном из университе-

тов города Санкт-Петербург, не самого престижного, но и не богом забытого вуза. После завтрака и утренней прогулки, он готовил обед, принимал ванну и отправлялся по понедельникам, средам и четвергам в институт, воспитывать будущих следователей, которые пока больше походили на сонных котят, не понимающих, за что мамки и папки забросили их в это болото?

Они с унылым видом что-то записывали в свои тетради, не задавая Алексею Анатольевичу ни одного вопроса и даже не пытались поспорить ни с одним из его утверждений. В их глазах не было и толики огонька, ни малейшего любопытства, желания прощупать какие-то лазейки, когда Скрипкин устраивал им ролевые игры и делил на две команды – следователей и проходящих по делу жертв, подозреваемых и свидетелей. Они что-то мычали про то, что эта игра напоминает Мафию, утыкались в свои конспекты, учебники, и долго и нудно ходили вокруг да около, грузя друг друга сводами законов в то время, как истина лежала на поверхности. Убийцей чаще всего оказывались те, про кого они думали в последнюю очередь или не думали вообще. Скрипкин подшучивал, что Мафия вытравила весь город, но не находя отклика в виде улыбок, предлагал снова вернуться к лекциям.

Он не понимал, зачем эти бестолковые создания вообще отправились изучать уголовное право, когда они совершенно не готовы играть с законами, в которых столько коллизий? С эмоциями, которые просто необходимо считывать,

чтобы понять – скрывает что-то человек или просто не умеет смотреть в глаза при разговоре в силу своих комплексов? Он искренне не понимал, зачем нужно было посвящать свою жизнь делу, которое не любишь? Которым не горишь? Ведь большинство из выпускников потом приходят в следственные комитеты и проводят расследования чисто бюрократически, стараясь просто закрыть очередное дело. По большей части им плевать, кто виновен, кого подставили, кому заплатили за признание вины.

И только год назад на потоке появился юноша, блеск в глазах которого Скрипкин заметил сразу. Первокурсник, Олег Зайцев, он, как и сам Скрипкин когда-то в молодости, был душой компании, все одноклассники постоянно кружились вокруг него. Он умел заряжать людей, и заряжал всю аудиторию во время лекций, которые проводил Алексей Анатольевич. Он часто вступал с ним в диалог, это было скорее просто полемикой, чем спором, но Скрипкину нравилось вести с ним беседы, доказывать что-то, обосновывать. Приводить примеры из жизни. Благодаря Олегу, Скрипкин впервые за пять с половиной лет работы в институте, начал рассказывать истории собственных расследований – самые успешные, и самые провальные. Зайцев затягивал его в этот омут воспоминаний прямо посреди лекций, задавал кучу вопросов, с жадностью поглощая все ответы.

Спустя пару недель Скрипкин заметил, что и остальные одноклассники Олега стали проявлять живой интерес к

предмету. В аудитории всё чаще становилось очень шумно – студенты горячо спорили о ходах постановочных расследований, бурно аплодировали команды-победили и неодобрительно свистели команды-лузеры. Однажды, когда Алексей Анатольевич не стал закрывать дверь в класс на время лекции, несколько мимо проходящих студентов выпускного курса остановились и с интересом стали прислушиваться к бурной дискуссии между преподавателем и его подопечными. Заметив их, Алексей Анатольевич пригласил присоединиться, что было скорее саркастической выпадкой с его стороны. Однако, ребята, бодро закивав, зашли в аудиторию и, быстро вникнув в суть разговора, приняли в нём самое непосредственное участие.

Позднее, в студентческой столовой, бродя с подносом между столиков, Скрипкин пытался найти себе место, когда его окликнул любимый студент и предложил присоединиться к нему.

– Сегодня видимо никто не позавтракал, – произнёс Алексей Анатольевич с лёгкой улыбкой, устраиваясь на свободном стуле. – Я точно тебя не притесню?

– Нисколько, – Олег улыбнулся и вытер рот салфеткой, – Я с детства пристаю к педагогам, которые с чувством преподают свой предмет.

– А я, к сожалению, ранее не имел удовольствия работать со студентами, которые с чувством изучали бы мой предмет. Признаться, до твоего появления в институте на моих лек-

циях было довольно...

– Тухло? – Олег рассмеялся и добавил, – Извините, если грубо.

– Ничего, это слово более всего подходит к моему представлению об атмосфере, царящей ранее в аудитории. Я правильно понимаю, что ты сам решил поступать на юридический? Не родители направили?

– Мои родители хотели, чтобы я стал стоматологом, – Олег хохотнул и Скрипкин непроизвольно улыбнулся, – А меня просто мутило от одной мысли ковыряться у кого-то в зубах, пусть и за приличные деньги.

– Что ж, поздравляю, юноша, теперь ты обречён за неприлично малые деньги ковыряться в чужом белье, не всегда чистом. Я вижу по тебе, у тебя рабочая чуйка, ты опираешься не только на выводы и факты, тебя неплохо направляет врождённая дедукция. Хочешь ты того, или нет, а ты с успехом будешь раскрывать большую часть дел именно благодаря тому, что горишь и считаешь людей. Этому не научить человека, которому такие вещи просто не даны.

– А меньшую часть дел?

– Что?

– Вы сказали, большую часть дел я буду раскрывать благодаря своим безграничным талантам. – Олег улыбнулся, Алексей Анатольевич довольно хмыкнул, – Но меньшая часть дел? Что будет с ними? С этими людьми, чьи жизни прервались или испоганились по чьей-то вине?

– К сожалению, мир устроен так, что всегда есть сломанные судьбы, за увечья которых уже никто и никогда не понесёт ответственности. Несправедливость не торжествует, но и не подавлена совсем. Этаким баланс.. Наверно, чтобы люди не забывали истинную ценность жизни и счастья.

– Значит, всё таки дело не в плохих следователях? Всегда есть одно идеально убийство, которое не раскроет даже самый бравый мент?

– К сожалению, – с этими словами Скрипкин помрачнел и глубоко задумался, вспоминая историю бедной Евгении Фарт, совсем ещё молодой девчушки, носящей под сердцем своё дитя.

Он так и не смог пробить эту стену неизвестности, не смог добраться до правды, понять, в чём же дело? Что могло случиться с этой можно сказать девчонкой? Не нашёл ни её, ни её ребёнка, ни возможно её тело...

– Алексей Анатольевич, – голос Олега прозвучал будто издалека, – Всё в порядке?

– Да, – Скрипкин отгонял прочь непрошенные мысли, но они продолжали роить у него в голове, – Была в моей практике одна весьма запоминающаяся история, которой я занимался втайне даже после того, как у меня отобрали дело.

– Вы мне расскажете?

– Если захочешь. Но после занятий. Через десять минут заканчивается перерыв, а я так и не успел поесть, совсем с тобой заболтался.

Марина.

Париж встретил прохладно. В буквальном смысле. В начале апреля здесь должно быть уже тепло, но нам не повезло, холодный ветер пронизывал до костей, солнце спряталось за десять слоёв туч, словно укутавшись в несколько серых пледов, и явно не собиралось оттуда высовываться. Здесь даже солнце мёрзнет. В общем, первое впечатление было испорчено, но я старалась не подавать виду. Влад хмурился и даже не пытался скрыть своего недовольства выходками погоды.

– Не будем расстраиваться уже в аэропорту. – Я взяла его под руку и улыбнулась, – в конце концов главное – атмосфера. А если верить путеводителям, здешнюю не испортит никакая погода.

– Это да, – пробурчал он, но всё таки улыбнулся и жестом позвал такси.

Мы загрузились в автомобиль и тронулись в город. Что ж, здравствуй, моя первая в жизни поездка "не налегке", с симпатичным таким и умным багажом по имени Влад.

Стоило въехать в город, как капризы погоды сразу отошли на второй план. Всё таки верны эти пафосные фразы про Париж: он сказочный. Романтичный и величественный, одухотворённый миллионами влюбленных пар, гуляющих по его улочкам, кормящих лебедей и целующихся прямо посреди мостов и мостовых. По Владу было видно, что он тоже отта-

ял и с умиротворением рассматривает красоты, сменяющие друг друга за окном. В отель мы добрались довольно быстро, и уже в отличном настроении. Позавтракав и сбросив рюкзаки, отправились на прогулку.

Первым делом мы решили отправиться в Монмартр – райончик, который ещё называют "старым Парижем", посвященный художникам. В путеводителях, конечно, на первом месте для посещения рекомендуют Эйфелеву башню, но мы решили оставить ее на вечер и поужинать там, любуясь закатом.

Сейчас же, прогуливаясь по этим затерянным улочкам, далёким от центра, я каждой порой ощущала дух Парижа, его колорит, его запахи и с любопытством разглядывала его жителей и гостей. Влад держал меня за руку и шёл совсем близко, плечом касаясь моего плеча. Мне очень нравилось тепло, исходящее от его тела, согревающее в это прохладное утро, нравился запах его парфюма, его кудряшки, в которых путались лучики солнца и оттеняли его волосы золотом. Нравилось разглядывать его профиль, мальчишеский, но с мужественным подбородком и красивым носом. Мальчишеским его лицо делали карие, горящие, даже шкодливые глаза с длинными пушистыми ресницами.

Я на ходу прижалась к нему ещё плотнее, в порыве чувств, а он выпустил мою руку и обнял за плечи.

– Думаю, так ещё теплее, – с этими словами он поцеловал

меня в макушку и мы продолжили наше шествие.

До обеда мы успели прогуляться по Сен-Жермен-де-Пре и Маре, перекусив на ходу свежеиспечённый багетом и уличными блинчиками. Это было отличным началом дня, и несмотря на количество пройденных пешком километров, мы совершенно не устали, и даже наоборот – были полны сил и желания гулять ещё.

– Только сначала предлагаю полноценно пообедать.

Я не могла отказаться от такого предложения, и мы, увидев уютное кафе в типичном парижском стиле, недалеко от набережной, заняли свой столик на маленькой терраске, укутались в пледы и сделали заказ.

– Париж не разочаровал тебя? – Влад взял мою руку и с улыбкой посмотрел в глаза.

– Нет, – я улыбалась и ловила лицом лучи солнца, которые уже во всю разыгрались и начинали согревать.

– А я?

– Пока не успел, – мы посмеялись и взялись за свой кофе.

Не успели мы сделать и пары глотков, как принесли салаты. Свеженарезанные и такие... Парижские! Этот город удивлял и радовал глаз абсолютно всем – даже подачей блюд в самом обычном кафе.

– Знаешь, я начинаю жалеть, что не путешествовала по Европе и даже не рассматривала для себя этот вариант. Океан и пальмы – это, безусловно, волшебно и лечит душу, когда в России январь, но всё же... Давно пора было внести в

свою жизнь немного разнообразия и окунуться в архитектуру городов цивилизованных стран.

– Ничего, мы с тобой ещё много куда окунёмся, – Влад подмигнул и чокнулся своей чашкой кофе о мою, – И в архитектуру, и в океан, и в грязи Иордании, и в пески пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.